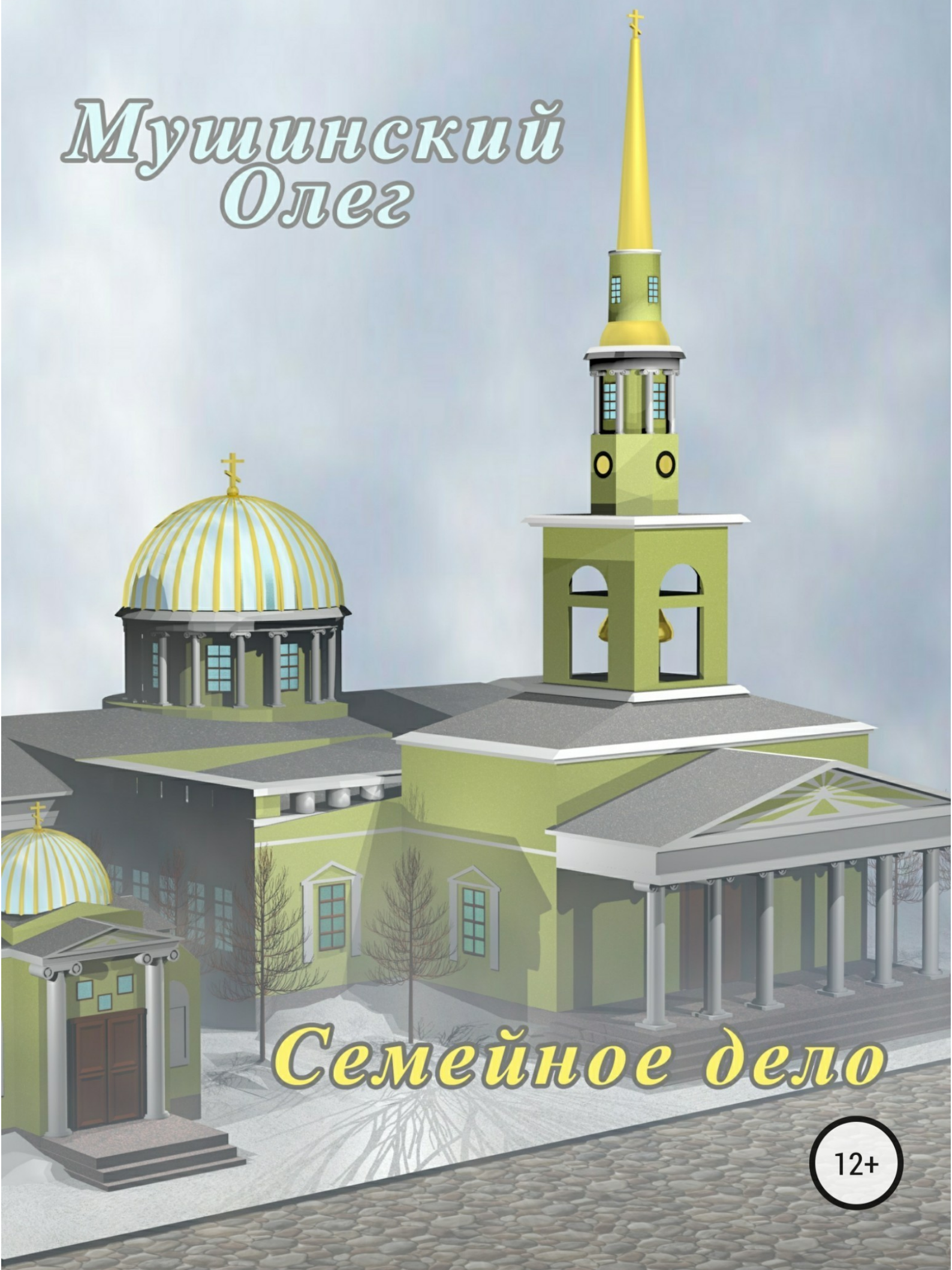

*Мушинский
Олег*

Семейное дело

12+

Кронштадтский детектив

Олег Мушинский
Семейное дело

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мушинский О.

Семейное дело / О. Мушинский — «ЛитРес: Самиздат»,
2016 — (Кронштадтский детектив)

Российская империя, Кронштадт, 1909 год. Вызвавшись на новый год подменить дежурного по отделению, агент сыскной полиции Ефим Кошин рассчитывал провести время в тишине и покое, да не тут-то было! За четверть часа до полуночи зазвонил телефон. Кошин снял трубку и услышал, что убили графа Рощина...Примечание: повесть входит в цикл "Кронштадтский детектив", который начинается с повести "Маяк Петра Великого".

© Мушинский О., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Новый, 1909 год я встречал на посту. Точнее говоря, дежурил по нашему сыскному отделению. Семен попросил его подменить. Сам он отправился с очередной пассией за город, а я, по правде говоря, хотел только одного – покоя. Последнее дело меня изрядно вымотало.

Сложным его назвать было нельзя. Один мастеровой, будучи в изрядном подпитии, так сильно аргументировал свою точку зрения молотком, что в итоге сразил оппонента наповал. Осознав содеянное, «молотобоец» мгновенно протрезвел и дал деру. Согласно показаниям свидетелей, он, словно заяц, упрыгал по льду залива куда-то в направлении Финляндии. Я запросил по телефону тамошних коллег. Они ответили, что со стороны Кронштадта гостей не было и что в такую погоду вряд ли будут.

На заливе бушевала снежная буря. Затеряться в ней – проще простого, что, по всей видимости, и случилось с нашим мастеровым. Наказав коллегам держать ухо востро – мало ли всё же вынесет его нелегкая на финский берег – я приступил к розыскным мероприятиям.

Сама по себе методика поиска на заливе у нас была давно отработана. В Кронштадте любителей померзнуть с удочкой в руках каждый год на льдине уносит. Можно сказать – традиция. Прошлой весной уж настолько толстый лед был – два портовых ледокола не смогли пробиться на помощь рыбакам – а они всё равно как-то уплыли. Так что я, не мудрствуя понапрасну, сигнализировал во все положенные инстанции, и мы всем миром отправились искать нашего потеряйца.

Погода и впрямь оказалась мерзопакостная! Холод, метель, а уж ветер просто с ног сбивал. Целый день мы во льдах провели: встретили трех рыбаков, спасли заблудившегося пьяницу, видели нерпу и лису. В попытке подстрелить последнюю учинили такую стрельбу, что из кронштадтского гарнизона нам на помощь выслали роту солдат. К их прибытию лиса благополучно сбежала, а мне пришлось объясняться с военными, только что отмахавшими пару верст бегом да во всеоружии. Побить не побили, всё-таки я – агент сыскной полиции и при исполнении, но очень хотели.

Впрочем, как говорится, нет худа без добра. Вместе с ними мы еще раз прочесали район поиска и поймали, наконец, беглеца. Или, лучше сказать, нашли. Этот болван прихватил молоток с собой, а пальто накинуть не догадался. Когда солдаты на него наткнулись, он уже так замерз, что был не в силах самостоятельно передвигаться. Больше часа у печки оттаивал, прежде чем смог хоть одно слово вымолвить.

В конечном итоге «молотобоец» оказался там, где ему самое место – в камере, а я с комфортом развалился в мягком кресле инспектора. В руках у меня был журнал с интереснейшей статьей на тему грядущего противоборства двух видов летательных аппаратов – легче и тяжелее воздуха, но глаза слипались и никак не хотели сконцентрироваться на строчках. Сон уже почти сморил меня, когда вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку, сказал, что Ефим Кошин у аппарата, и узнал, что убили графа Рощина.

...

Снова тащиться куда-то через метель мне страшно не хотелось, но, как оказалось, убийца был столь любезен, что прикончил графа в теплом помещении. Точнее говоря, прямо на дому. Дом стоял на Павловской улице. От отделения до нее рукой подать, я бы за пять минут пешком добежал, но тут, словно почуяв серьезное дело, вернулся наш инспектор – Гаврилов Вениамин Степанович. Я доложил ему об убийстве и он сказал:

– Ну что ж, Ефим, поехали.

Пришлось мне вновь заниматься поисками. На этот раз – приличного экипажа. В нашей-то карете только арестантов перевозить, чтобы заранее к своей тяжелой доле привыкали. Мне еще повезло, что наш парадный вход выходил прямо на Николаевский проспект, а там даже за четверть часа до полуночи хоть какое-то движение, да было.

Пробежав опять же пять минут, я сумел перехватить свободный экипаж перед самым носом у пузана в лисьей шубе. Извозчик, мерзавец, по случаю праздника и столь явной конкуренции вместо двадцати копеек слупил с меня полтинник. Пришлось заплатить. А куда деваться, коли кроме него никого нет?

Хотя, надо признать, домчал нас этот монополист с шиком. Мимо Гостиного двора мы пролетели вихрем. Пыль столбом не стояла, но пурга ее с успехом заменила. У Владимирского собора экипаж стремительно свернул на Павловскую, извозчик залихватски свистнул и мы лихо подлетели к двухэтажному особняку песочного цвета.

Перед входом, как водится, толпились зеваки. В новогоднюю ночь их оказалось значительно меньше, чем собралось бы обычно, но и эта «традиция» не была сегодня забыта. Два десятка человек исправно пялились на темные окна особняка. Ни одно не светилось, и единственное, что сразу бросалось в глаза – разбитое стекло в крайнем правом окне на втором этаже.

На углу дома росло дерево. Без листьев я их не различаю, но стояло оно так монументально, так гордо расправило ветви – и это несмотря на весь снег, который на них лежал! – что я сразу решил: это может быть только дуб. Длинная и толстая ветка дуба вытянулась прямо под разбитым окном.

Впрочем, забраться через него в дом смог бы разве что ребенок. Особняк был старинный, с высокими и такими узкими окнами, что они невольно навевали ассоциации с бойницами. Это впечатление усиливали толстые рамы. К примеру, мне – а я довольно худощавый – пришлось бы их полностью выломать, чтобы протиснуться в окно.

Громко заржав, лошадь остановилась буквально в шаге от зевак и наш извозчик бодро отрапортовал:

– Приехали, барин.

Из толпы послышались матюки в его адрес – судя по фразам: «опять выёживаешься!», подобные сцены разыгрывались им не впервой – но всё перекрыл зычный бас:

– А ну-ка, расступись! Живо! Кому сказал?!

Этот голос был мне знаком. Я закрутил головой и заметил на крыльце городского Матвеева. Он стоял там, точно капитан на мостике, и строго покрикивал на тех, кто замешкался. Как и положено у хорошего капитана, таких было немного. У Матвеева не забалуешь. Особенно в праздники.

Собственно, дежурства по праздникам вообще мало кто любил, но Матвеев – больше всех прочих, вместе взятых, и у него были на то все основания. Городовой всегда предпочитал проводить праздники в кругу семьи – с такой красавицей-женой я бы и в будни лишний раз из дому не вылезал! – и, соответственно, всякое правонарушение в праздничные дни воспринимал как покушение на свое семейное счастье. Другими словами, мог и тумачок отвесить, а рука у него была тяжелая.

Побитые граждане, конечно, жаловались. Начальство вкатывало Матвееву очередной выговор и внеочередное дежурство. Тот, понятное дело, добрее от этого не становился, зато количество желающих нарушать порядок в его присутствии падало прямо на глазах. Это, в свою очередь, побуждало начальство и дальше ставить Матвеева на дежурство именно в праздники. Вот такой вот круговорот сурового правопорядка получался.

– Живей, живей! – продолжал покрикивать Матвеев, но уже больше просто для порядка.

Когда инспектор степенно сошел с экипажа, люди ему к крыльцу уже широкий коридор расчистили. Наверное, и ковровую дорожку расстелили бы, если бы знали, что он изволит быть. Всё-таки инспектор из самого Санкт-Петербурга, да и там он считался не из последних. Сам Филиппов, начальник столичного сыска, за руку с ним здоровался!

Матвеев, подбежав, откозырял инспектору, кивнул мне, и, пока мы шли к крыльцу, доложил:

– В общем, Вениамин Степанович, графа убили, но кто, зачем – пёс его знает. Никто ничего толком не видел и не слышал. Домашние графа знай талдычат про какое-то проклятие. Но самого графа никто не проклинал.

– Понятно, – сказал инспектор, и указал рукой в сторону дуба. – А там что?

Снег под деревом был так вытоптан, будто вокруг него скачки на слонах устраивали.

– А это вон они натоптали, – сказал Матвеев, кивнув на зевак, и те дружно потупились: – Каждый себя сыщиком возомнил. Свидетели говорят, что стекло разбили, когда графа убивали. В процессе, так сказать. Я на всякий случай вокруг дома обошёл, пока никто не набежал.

– И что? – спросил я.

– Ничего интересного, – ответил Матвеев. – Здесь – только стекла выбитые, а больше вообще ничего. Там, под деревом, даже снег не был примят. С другой стороны такая же картина. В окна к ним никто не лазал. Разве что прилетел сверху. Крышу я не проверял, это, Ефим, твоя епархия.

Последние слова он сопровождал едва заметной ухмылкой. Я ответил хмурым взглядом. По осени, выслеживая вора, я действительно провел целую ночь на крыше. Причем, как оказалось, украденное лежало прямо подо мной, о чём Матвееву до сих пор не надоело мне напоминать.

– Посты вокруг дома выставлены? – поинтересовался инспектор.

– Так точно.

– Хорошо, – сказал инспектор. – Тогда пойдем в дом.

Мы поднялись на крыльцо. Матвеев распахнул перед инспектором дверь. Та вполне подходила к общему «крепостному» стилю – толстенная, с массивным металлическим засовом и замком, ключ от которого по всем канонам должен быть размером с пол руки. Зеваки сунули было нос следом, но Матвеев строго глянул, и они моментально отхлынули обратно.

Прихожая в особняке не уступала размерами моей квартире. Вдоль всей левой стены вытянулась вешалка. Панели из красного дерева, украшенные витиеватой резьбой, придавали ей массивности. Должно быть, граф любил принимать гостей – здесь можно было разместить верхнюю одежду полусотни человек. Сейчас на вешалке висели: две женских шубки, мужское пальто, офицерская шинель, темно-зеленая шинель студента и, на самом краю, ближе к двери, примостился как бедный родственник потертый полушубок. Справа от двери красовался рыцарский доспех с алым плюмажем на шлеме. Латные перчатки крепко сжимали длинное копьё, которое упиралось острием в потолок.

Здесь нас встречал поп. Он благоразумно не высовывался на без пяти минут уже январский мороз, но, едва мы вошли, тотчас нарисовался, словно чертик из табакерки. Да и вообще, по правде говоря, на чертика он был похож больше, чем на священника. Заношенная ряса сидела на нём так плохо, как только могла сидеть вещь с чужого плеча. Сам же поп был низенький, рыжий и такой остроносый, что я с первого же взгляда его заподозрил, хотя так и не придумал – в чём.

– Дьякон Феофан Роцин, – отрекомендовался он. – Самый дальний родственник покойного, зато его самый преданный друг, – и добавил, поймав мой недоуменный взгляд: – Просим прощеньица, господа полицейские, но прислуги в доме совсем никого нет. Один я, так сказать, всегда на посту.

– Ничего, – сказал Вениамин Степанович. – Мы – люди самостоятельные.

После чего я помог ему снять шубу и пристроил ее на вешалке. Шуба у него была под стать самому инспектору – солидная. В такой и на прием к государю пожаловать не стыдно было бы. Мое черное пальто выглядело на ее фоне более чем скромно.

– Прошу со мной, – сказал дьякон, всем телом изобразив приглашение с полупоклоном.

Мол, «заходите, гости дорогие». Выглядело это так, будто он нас не в приличный дом, а в кабак зазывал.

– Проводите нас на место преступления, – велел ему инспектор.

– Да-да, разумеется, – дьякон так энергично закивал головой, что я испугался, как бы он ее не потерял. – Но графиня очень просила уделить ей минуточку вашего внимания, прежде чем вы приступите к нашему делу. Их сиятельство-то ведь теперь уже никуда не торопится, верно? А графиня поджидает вас в библиотечке. Это вам прямо по пути будет.

Вениамин Степанович сумрачно глянул на него и оглянулся на меня. Не успел я озвучить свое мнение, как он сказал:

– Хорошо.

– Ну вот и чудесенько!

Дьякон довольно потер ладошки, будто втюхал нам какое-то барахло за миллион рублей, и вновь пригласил составить ему компанию в путешествии по дому. Следуя за ним, мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Ступеньки были деревянные и некоторые тихонько поскрипывали под ногами, а вот перила оказались мраморные. С картин на правой стене на нас взирали brave офицеры.

– Интересные портреты, Ефим, – на ходу заметил Вениамин Степанович.

Я машинально кивнул. В живописи я совершенно не разбираюсь. Будь это чертежи, тогда другое дело. Однако даже мне сразу бросилось в глаза, с каким вниманием к деталям художник подошел к своей работе.

Каждый офицер был изображен в полный рост. На заднем плане виднелась какая-то убогая китайская деревушка, и художник не поленился пририсовать самих китайцев, занятых своими повседневными делами. Их откровенная бедность еще больше подчеркивалась золотой рамой, в которую была заключена каждая картина.

– Родственники покойного? – спросил я у дьякона.

– Эти-то? – переспросил тот, и замотал головой. – Нет-нет-нет. Это друзья их сиятельства, если их можно так назвать.

– Что значит, «можно так назвать»? – недовольно бросил через плечо инспектор: – Выразайтесь яснее!

– Да-да, сию минуточку, – дьякон сразу преисполнился рвения, и принялся торопливо перечислять, тыкая пальцем в портреты: – Это, значаца, сослуживцы их сиятельства. На войне с япошками вместе бились. Первый – прапорщик Денисов. Вживую я его никогда не видел. Их сиятельство как-то обмолвились, что он в бою погиб, о чём они очень кручинились. Вот этот, в шапке, поручик Усташевич. Добрейший души человек был.

– Был? – переспросил я.

– Ага, – кивнул дьякон. – И его сгубили, ироды. Снарядом запулили. Вот ведь как бывает: был человек, ба-бах, и нет человека, – дьякон развел руками, и продолжил: – Усатый – это капитан Ветров. Поначалу он за главного был. То есть, всем их отрядом командовал.

– Что за отряд? – спросил инспектор.

– Разведчики, – ответил дьякон. – Цельная сотня солдат и вот эти, стало быть, господа офицеры. Поначалу командование вот этому Ветрову отдали, хотя их сиятельство позаслуженнее его будет. Ну а уж когда и он сгинул, то их сиятельство отряд возглавил.

– И этот погиб? – переспросил я.

По правде говоря, на тот момент судьба капитана меня волновала мало, но инспектор остановился и внимательно разглядывал портреты. Попусту он бы тратить на них время не стал. Я тоже вгляделся в картины, стараясь ухватить максимум деталей. С инспектором никогда заранее не угадаешь, что именно окажется важным, а сам он не скажет.

– Ага, – отозвался дьякон. – Выкрали его япошки и запытали до смерти. Из самого Порт-Артура выкрали. Прямо на рынке среди бела дня схватили и уволокли к себе. И на их сиятельство покушались, макакки желтомордые, только не вышло у них ничего! Ручонки-то коротки оказались, вот так-то! Их сиятельство на миноносце из города выехал. Дурак-капитан нас вме-

сто Владивостока в Китай завез, но мы не в обиде, нет. Главное, вывез, а домой мы паровозом доехали.

– А вот этот? – спросил я, указав на последний портрет с благообразным стариком в мундире. – Тоже погиб?

– Этот-то? – переспросил дьякон. – Бобровский его фамилия. Нет, этот с нами выехал, а как в Расею-матушку возвратились – засел в своем именице и ни разу их сиятельство в Кронштадте не навестил. Ни разу! Только что месяц назад и свиделись, когда этот Бобровский богу душу отдал.

– Сам?

– Что? Ах да, конечно, самолично и благочинно представился в кругу семьи. Их сиятельство на похоронах присутствовали и, так сказать, в последний путь боевого товарища проводили. Вы, господа полицейские, на портретик-то не смотрите, – дьякон пренебрежительно махнул рукой. – Это он тут бодрячком рисуется, а на самом-то деле уже тогда еле на ногах стоял. Художник все эти портретики по фотографиям писал. Вот так-то. С рисунка на рисунок перемалевал, а денег как за работу с натурой взял, и это когда их сиятельство и без того стеснен в средствах!

– Погодите вы, – прервал я этот поток бесполезной информации: – Как же он на войну отправился, если на ногах не держался?

– Так известное дело, верхом, – пояснил дьякон. – Только верхом-то оно завсегда приметнее. Вот япощки его и приметили. Аж три пули вlepили, да еще сабелькой попотчевали! Чудом выжил.

– Ясно, – кивнул я; дела давно минувших дней меня интересовали слабо. – Стало быть, все эти люди мертвы?

– Дык, получается так, – признал дьякон. – Все сгинули, а их сиятельство только вас дожидается.

Инспектор зашагал вверх по ступенькам, так и не сказав, на что тут следовало обратить особое внимание. Сразу за портретом Бобровского ступеньки заканчивались, переходя в широкую площадку. Когда я вслед за инспектором поднялся на нее, прямо передо мной оказалось зеркало в массивной раме. Влево и вправо уходил длинный коридор. Он тянулся через весь дом и заканчивался только когда упирался в боковые стены. На полу лежала зеленая ковровая дорожка. Из окон падал бледный свет: лунный и от фонарей вперемишку.

На дорожке, прямо напротив разбитого окна, лицом вниз лежал человек. Слева стоял на страже рыцарский доспех с мечом в руках. Справа сидел на подоконнике полицейский. Завидев нас – точнее, конечно, инспектора – он торопливо подтянулся и откозырял ему. Вениамин Степанович кивнул в ответ.

Дьякон быстренько распахнул дверь слева от зеркала и снова изобразил угодливый полупоклон, приглашая нас туда:

– А вот и наша библиотечка. Попрошу сюда, господа полицейские.

Мы зашли. Первым, прямо перед инспектором, ужом проскользнул дьякон, затем вошел Вениамин Степанович и последним – я.

Употребив слово «библиотечка», наш провожатый явно преуменьшил заслуги графа. Или графини – это смотря кто у них в семье главным книгочеем был. «Библиотеки» были нынче в моде, но, как правило, на поверку большая их часть оказывалась салоном для приема гостей, а то и вовсе курительной комнатой, где литература была представлена разве что вчерашней газетой. Здесь же была самая настоящая библиотека.

Две стены от пола до потолка были скрыты полками, и там рядами стояли книги. Более того, они все там не поместились. Несколько разнокалиберных томов лежали в углу прямо на полу. Точнее говоря, на ковре. В библиотеке он был более яркого зеленого цвета, чем в коридоре, но такой же мягкий.

Над книгами замер какой-то азиатский рыцарь в золочёных доспехах и с драконьей маской вместо лица. Правой рукой он держал саблю с широким лезвием, а перевернутый щит служил хозяину библиотеки в качестве подноса. На щите лежала газета.

Дальше мой взгляд скользнул по столу – то ли антиквариат, то ли старая рухлядь – и остановился на кресле, обитом черной кожей. В кресле сидела женщина. Она сидела так неподвижно, а ее платье настолько было точь-в-точь такое же черное, что я не сразу ее заметил. Да и света от единственной керосиновой лампы было маловато. Читать при таком освещении означало себе глаза испортить, причём с гарантией.

– Здравствуйте, господа, – тихо сказала женщина.

– Здравствуйте, сударыня, – ответил Вениамин Степанович. – Я имею честь видеть графиню Рошину?

На ее бледном лице появился намек на полуулыбку, но он рассеялся раньше, чем обрел законченные формы. Пожалуй, если бы не эта могильная бледность, я бы назвал ее красивой.

– Не уверена, что это такая большая честь – знакомство со мной, – сказала женщина. – Но если это был просто вопрос в вежливой форме, то да. Я графиня Рошина, Анна Владимировна. В коридоре лежит мой муж. Вы с ним уже виделись?

– Мельком, – признал инспектор. – Только что.

– Что ж, у вас еще будет возможность с ним познакомиться, – сказала графиня. – Но перед этим у меня к вам будет одна просьба, господин полицейский. Вы садитесь, пожалуйста.

Она указала на стулья перед собой. Их было целых три, но приглашение явно было адресовано только Вениамину Степановичу.

– Благодарю вас, – сказал инспектор. – Но прежде чем вы начнете излагать свою просьбу, позвольте нам представиться.

В ее взгляде проскользнуло отчетливое сомнение в необходимости такого шага, но вслух она сказала.

– Извольте.

Инспектор представился по всей форме, со всеми своими регалиями. Я даже не знал, что у него их столько. Графиня кивнула, показывая, что приняла информацию к сведению. Затем инспектор перешел к моей скромной персоне. После слов «агент сыскной полиции» графиня окончательно поскучилась и даже не взглянула в мою сторону.

– Сейчас я представляю здесь руководство кронштадтской сыскной полиции, – такими словами закончил инспектор: – Но моя должность предусматривает в первую очередь контроль за строгим соблюдением законности в ходе расследования.

– Можно подумать, я вам собираюсь предложить взятку, – улыбнулась графиня.

«А можно подумать – нет», – чуть было не ляпнул я.

По крайней мере, выглядело это именно так. Инспектор был более дипломатичен.

– Ни в коем случае, сударыня, – сказал он. – Я сделал специальный акцент на этом аспекте только для того, чтобы вы понимали: основные действия по предварительному следствию будут проведены Ефимом Родионовичем. Возможно, вам следует адресовать свою просьбу ему?

Тут Вениамин Степанович кивнул в мою сторону, и я таки удостоился ее взгляда. Он просветил меня насквозь, как лучи немца Рентгена, и я почувствовал себя неудобно. Взгляд у нее был холодный и цепкий. Помню, пару лет назад я оказался в лесу под Лугой – воздушный шар, который мы испытывали с инженером Павловым, навернулся – и я, выпав из корзины, нос к носу столкнулся с волком. Вот у него был такой же взгляд. Хищный и вместе с тем настороженный.

– Надеюсь, молодой человек, вы быстро найдете нашу потерю, – тихо сказала графиня.

– А что пропало, ваше сиятельство? – спросил я.

Проигнорировав мой вопрос со мной вместе, графиня уже вновь обращалась к инспектору.

– Вениамин Степанович, после того, как вы так понятно мне всё объяснили, я уверена, что моя просьба действительно должна быть адресована именно вам.

– Что ж, я слушаю вас, Анна Владимировна.

– Моя семья только что понесла тяжелую утрату, – сказала графиня. – Я понимаю необходимость полицейского расследования, но я вас очень прошу оградить мою семью, моих детей, от излишнего внимания. Моя дочь уже до того испереживалась, что призраков видит!

– Покойного графа? – сразу спросил я, как только наметилась возможность вставить словечко.

– Слава богу, нет, – ответила графиня, не поворачивая головы в мою сторону. – Для нее это было бы слишком сильным потрясением. Она любила отца, но этот призрак... – она покачала головой. – Господи, я, кажется, уже сама начинаю верить в проклятие. Вениамин Степанович, я вас очень попрошу провести это ваше расследование максимально тактично.

Фраза «это ваше расследование» резанула мне слух. В конце концов, это ее убитый муж в коридоре лежал. Да и сама она вовсе не производила впечатления равнодушной «черной вдовы». Даже наоборот, весь ее вид буквально кричал о том, что она едва держит себя в руках.

– Зеваки вас не побеспокоят, Анна Владимировна, – сказал Вениамин Степанович. – На крыльце дежурит городской Матвеев, и поверьте мне, он знает свое дело. Что до расспросов, то они, увы, неизбежны. Нам нужно восстановить картину преступления.

– Расспрашивайте меня, – предложила графиня.

– Вы были свидетелем смерти вашего мужа?

– Увы или к счастью, но нет.

– Тогда вы вряд ли сможете нам помочь, – вздохнул инспектор.

– Отчего же? Я, Вениамин Степанович, не сидела тут сложа руки и картину преступления сейчас представляю лучше вас, уж простите меня великодушно.

Инспектор ее великодушно простил, и у них началась исполненная великосветской вежливости пикировка на предмет, куда нам можно совать свой полицейский нос, а куда не следует. Я уже всерьез подумывал тихонько улизнуть, благо в их беседе мне места не нашлось, и заняться, наконец, делом, когда в библиотеку заглянул дьякон.

А я даже не заметил, как он вышел. Тактично откашлявшись, дьякон добился того, чтобы графиня повернула к нему голову, и доложил:

– Там доктор прибыли. Только прощеньица просим, Федор, растяпа эдакий, Пал Палыча сыскать не смог. Другого доктора зазвал.

– Сейчас, я думаю, это уже не важно, – вздохнула графиня. – Пригласи его.

Дьякон послушно закивал, но продолжал мяться в дверях.

– Что еще, Феофан?

– Так, я-то ничего, мое дело маленькое, – быстро заговорил дьякон. – Только скажу вам, что у доктора этого фамилия – Азенберг.

– Клаус Францевич? – переспросил Вениамин Степанович. – Замечательный доктор, я его хорошо знаю. Что вас смущает?

– Так он же немчура, – дьякон аж всплеснул руками от возмущения.

– Ему это не мешает, – сказал я.

– Дык не о нём моя печаль! – отвечивал дьякон, но, не найдя понимания у графини, отправился встречать доктора.

Я воспользовался случаем и покинул библиотеку следом за ним.

...

По правде говоря, Клаус Францевич был отчасти сам виноват в сомнениях дьякона Феофана.

Доктор он был отменный, тут спору нет, но одевался точно беглый студент из Европы. Да и ладно бы действительно бедствовал! Нет. Доктор снимал квартиру на Николаевском проспекте – это для сравнения как Невский проспект в Санкт-Петербурге – да еще регулярно выписывал дорожущее оборудование из Германии. Я почему знаю: он всегда просил меня встретить груз на пристани, мало ли какой мазурик польстился бы! И вот такой человек ходил на вызов в осеннем пальтишке и вечном своем синем камзоле, который он купил еще в Германии и было это в прошлом веке.

– Клаус Францевич, поднимайтесь сюда! – крикнул я сверху.

Доктор поднял голову.

– Ох, Ефим, – воскликнул он. – Я так и думать, что застать вас здесь. Час назад вы жаловаться мне на свой здоровье и пить лекарство, а теперь я видеть – вы игнорировать мой рекомендации! Как так можно?!

– Работа такая, – сказал я, разводя руками.

– Работа, – проворчал он. – Ох. Хорошо. Где есть эта работа?

Дьякон со вздохом выступил вперед и пригласил доктора проследовать за ним. Клаус Францевич бодро взбежал вверх по ступенькам. Таковую бодрость и молодым было бы не зазорно продемонстрировать, а ведь доктор еще и не с пустыми руками пришел. В руках он нёс свой большой саквояж с золотым вензелем из букв «КФА», обвитых виноградной лозой. Это была, пожалуй, единственная действительно дорогая вещь в его гардеробе, да и та выглядела потертой. Если бы я доподлинно не знал, что вензель действительно золотой, подумал бы что дешевая безделушка.

– Попрошу за мной, доктор, – проворчал дьякон.

Мы втроем проследовали по коридору. Дьякон прямо на ходу где-то раздобыл лампу. Остановившись у рыцарских доспехов, он запалил ее и без всяких церемоний повесил на рукоять меча. Свет озарил лежащее тело, и я, наконец, смог рассмотреть покойного.

Тот был высок ростом и очень худой. Уж на что я худой, а этот так вообще больше походил на змею в обличье человека. Тело было прикрыто синим халатом, из-под которого торчали ноги в сапогах. Длинные руки вытянулись вперед, словно мертвец в последний момент пытался дотянуться до чего-то. Седая голова уткнулась носом в ковровую дорожку. Левый висок был сильно расцарапан. На волосах темнели пятна крови. Я оглянулся на разбитое окно. Похоже, незадолго до смерти покойный пытался открыть его головой.

Клаус Францевич опустился на пол рядом с покойным. Дьякон застыл у доспехов, воплощая собой полнейшее «пропала Расея». Полицейский у окна вытянул шею, чтобы лучше видеть. Как будто еще не насмотрелся на мертвеца! Я, наоборот, выглянул в окно, и поежился. В особняке было жарко натоплено, даже в коридоре так тепло, что я пиджак расстегнул, а из окна ощутимо тянуло холодом.

Зеваки, заметив свет, без всякого толку подались вперед. Что они рассчитывали разглядеть снизу в окне второго этажа – для меня осталось загадкой, да и Матвеев стоял, как скала. Молодой человек в сером пальто вознамерился влезть на дуб, но городской так рывкнул, что чрезмерно любопытного зеваку как ветром сдуло.

По другую сторону улицы ровными рядами выстроились служительские корпуса. Внешне они были полной противоположностью особняку: современные здания из красного кирпича, абсолютно одинаковые, совсем ничем не примечательные и длиной с пассажирский поезд. Я жил в одном из них, и, на мой взгляд, внутри сходства с поездом было еще больше, чем снаружи.

При мысли о доме меня вновь потянуло в сон, но как раз сейчас было не до него.

– Он есть мертв, – выдал доктор первое заключение.

– Спасибо, мы это и так знаем, – пробурчал дьякон себе под нос.

Клаус Францевич аккуратно снял с тела халат. Мертвец был одет в некогда белую, но давно нестиранную рубашку и серые брюки, столь же давно не встречавшиеся с утюгом. На спине темнели два бурых пятна, обрамлявших рваные неаккуратные дыры. С причиной смерти лично мне всё было ясно с первого взгляда: кто-то влепил ему в спину пару пуль.

– Я так понимаю, его застрелили, – сказал я.

– Да, Ефим, это так, – отозвался доктор и перевернул тело.

Крови под ним натекло немного. Большую ее часть впитал халат. На правом плече мертвеца отпечаталась кровавая ладонь. Судя по размеру – женская. Или детская, но это мне сразу показалось маловероятным.

– Мы, как стрелять начали, всем миром на помощь их сиятельству сбежались, – запричитал дьякон. – О себе не думая, только о нём беспокоясь. Совсем малость не успели. Убили благодетеля ироды.

– То есть, их было несколько? – сразу спросил я. – Сколько человек вы видели?

– Да если б хоть одного увидел, вцепился бы как клещ и не пушал бы! – с такой горячностью ответил дьякон, что я даже на секунду ему поверил: – Костями бы лег, а вот удержал бы.

– То есть, убийц вы не видели? – уточнил я.

Дьякон с сожалением и очень многословно признал, что нет. Вся его уверенность в их численности базировалась на стойком убеждении, что один человек, каким бы ушлым злодеем он не был, с графом бы не справился. Такие «доказательства», понятно, к делу не подошьешь, но дьякон внезапно обрел поддержку в лице Клауса Францевича.

– Ох, Ефим, – сказал он. – Я думать, это вам быть интересно.

Как оказалось, пули не прошли тело графа насквозь, и это позволило сразу же заметить еще одну рану на груди. Узкая и неширокая, она была нанесена тонким лезвием прямо в сердце.

– Хм... – произнес я. – То есть, его сразу и зарезали, и застрелили?

– Сразу – очень тонкий слово, – не спеша ответил доктор. – Время быть близкий, но я не думать, что это быть одновременный. На другой сторона, он не жить с любой эта рана. Да, время близкий. Очень близкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.